

«МАСКИ МЕРТВЫХ» – ИДЕЯ МАСКИ В ПОСМЕРТИИ

Тихомирова Е. Г.

ФБГОУ ВПО «Ростовский государственный строительный университет», Ростов-на-Дону, 344022, ул. Социалистическая, 162.

В качестве основной проблемы исследования данная статья имеет феномен маски. Исследование феномена, смежных с ним понятий и явлений, показывает, что он занимает прочное место в гуманитарной культуре. Художественная литература, психологические теории и практикумы, некоторые области имиджевой эстетики являются теми сферами культуры, в которых отчетливо просматриваются: представленность идеи маски, воплощение идеи в конкретных культурных продуктах, переход от замысла феномена маски к его смыслу в гуманитарной культуре. В работе представлен анализ специфической формы гуманитарной культуры – некрокультуры, в которой скрыта проблема соотношения истинного лица и личного многообразия в социокультурном пространстве. В статье сформулирован особый подход к определению и пониманию маски как идеи в гуманитарной культуре через сопоставление самого феномена и его форм с историко-культурными слоями.

Ключевые слова: маска, феномен, феномен маски, псевдоним, культура, гуманитарная культура, личность, структура личности.

MASKS OF THE DEAD – THE CULTURAL SENSES

Tikhomirova E. G.

Rostov State University of Civil Engineering, Rostov-on-Don, 344022, st. Socialisticheskaya, 162.

As a basic research problem of this article is the phenomenon of the mask. Study of the phenomenon, allied concepts, shows that he has a strong place in the humanitarian culture. Fiction, psychological theories and workshops, some of the aesthetics of image are areas of culture, which are clearly visible: the representation of the idea of the mask, the embodiment of the idea of a specific cultural product, the transition from the idea of the phenomenon of the mask to its meaning in human culture. The paper presents an analysis of a specific form of human culture - culture of death in which is hidden the true face of the problem of correlation and personal diversity in the contemporary socio-cultural space. The article generated a special approach to the definition and understanding of the idea of the mask as a humanitarian culture through comparison of the phenomenon and its forms with the historical and cultural layers.

Keywords: mask, a phenomenon, the phenomenon masks, alias, culture and humanitarian culture, personality, personality structure.

Введение

Проблема многогранности человеческой сущности, взаимоотношений различных состояний Я, личностных стереотипов, ролевого поведения привлекает к себе пристальное внимание. Эти феномены раскрывают себя в идее маски, тем самым открывая путь к изучению межличностного общения и коммуникации.

Идея маски – идея, объединяющая философскую, психологическую и филологическую проблематику – гуманитарную культуру XX – начала XXI века в целом.

Актуальность исследования проблемы идеи маски в гуманитарной культуре обусловлена фундаментальными общекультурными тенденциями и значимыми историческими обстоятельствами развития современной цивилизации. В наши дни явственно ощущается необходимость при изучении человеческого Я видеть и анализировать не только устремленность к свободе, творчеству, этическим идеалам, но и обусловленное

человеческой природой, историей и культурой отсутствие такой устремленности или недостаточное ее проявление.

Маски, рассматриваемые в качестве составляющих личность элементов, выступают необходимым аспектом коммуникации. Феномен маски включает в себе два направления – «на себя» и «на других». Эта двойственность открывает сегодня новые возможности для поиска причин современного кризиса культуры и изменений в структуре человеческого Я, делает возможным рассмотрение структуры личности не столько в ракурсе психологических наук, сколько с точки зрения истории и теории культуры.

Определяя место маски в структуре личности, стоит отметить то, что «внутренняя» маска – интегральная часть личности; человек создает свой характер и становится личностью, исполняя роли. Личность – система социально значимых, взаимодействующих и неизменных свойств, отношений и действий, на ее основе строится взаимодействие с другими, установка, предпосылка и следствие коммуникации. Личность наряду с подлинным Я, заложенными представлениями себя, моделями и стереотипами поведения, системами мотивов и потребностей, подчиненных и подчиняемых, включает в себя систему масок, в дальнейшем претворяемых или не претворяемых в реальность.

Подлинное «Я» может быть определено как неотъемлемая часть личности, где «Я» характеризуется осознанием этой части себя. Этот компонент личности включает в себя набор неких поведенческих и психо-эмоциональных состояний чаще постоянного свойства. При помощи «Я» совершается приспособление целостной личности к действительности. Кроме того, «Я» позволяет эту целостность ощущать и переживать.

Маска, таким образом, определяется как культурный феномен, проявляющий себя в поверхностных, временных изменениях внутреннего или внешнего облика человека и мира, обусловленных мотивами и потребностями Я, а также коммуникативными запросами и культурными ожиданиями.

«Внешняя» и «внутренняя» маски взаимосвязаны – оба направления представляют использование человеком символизма действительности, участвуют в решении вопросов самоидентификации и коммуникации [7].

Маска как составляющая часть личности выбирается неслучайно, и предпочтительна та, которая наилучшим образом изображает, кем человек хочет быть. Специфика маски в том, что индивидуальное через антагонизм общепринятым нормам или через интерпретацию этих норм (в пределах допустимого) выражает себя и маркирует свою общность с социумом. Именно в этом двуединстве нормативного и интерпретационного кроется возможность культурной самоидентификации личности, ее адаптивности, способности к саморазвитию и т. п. Маска выступает в качестве определенной модели, типа поведения, предстает как

приспособительный механизм, облегчающий адаптацию к определенной позиции или ситуации, как фактор поддержания общей системы ценностей и нравственного единства социума, катализатор развития и роста общества, аккумулятор культурного опыта и коллективной памяти.

При определении роли, ее взаимосвязи с маской – составной личности – отмечается, что роль – это прежде всего функция, действие, система поступков, соответствующий принятым нормам способ поведения в зависимости от их статуса или позиции в обществе, в системе межличностных отношений. Личность есть система масок, в дальнейшем претворяемых или не претворяемых в реальность; а желание следовать выбранному Я является исполнением роли. Маска есть представление себя иным, а роль – поведение, поступок, воспроизводство себя этим «иным». Маска обозначает реальное поведение, выражена в действии, в ролевом поведении, отношении с Другим, она экспрессивна. Личность не является некой одномерностью. Я человека способно вместить в себя все многообразие символики внешней реальности, одновременно формируя новые, иные знаки и символы, составляющие цельность внутреннего мира. Феномен маски, таким образом, оказывается непосредственно связанным с сущностными характеристиками человека.

Следуя социальным ролям, совершая ритуалы, соответствуя определенным образам и моделям поведения, человек становится драматургом своего коммуникационного поля или актером в «спектаклях» других людей.

Идея маски является результатом рефлексии на культуру. Поэтому идея маски многогранна и обладает красочным содержанием. И это содержание касается не только сфер, охватывающих основные жизненные позиции человечества, но позиции, связанные с уходом из жизни. Так, феномен маски и его более широкий аспект – идею – можно проанализировать в культуре посмертия – некрокультуре.

В ранней истории маски несли культовое значение, имеющее в истоке культ природы, культ мертвых, культ предков и рефлексии на смерть (попытки ее понять, познать, перестать бояться).

Культ природы проявился в отражении некоторой специфики зооморфизма – маски, копирующие животных (в полном костюме, в наголовнике, в «косметическом» окрасе лица), чертах шаманизма – части птиц и животных в уборе колдунов и шаманов. Маска стала связующим элементом между человеком и миром, текстом, который позволял человеку этот мир «читать».

Феномен маски, таким образом, изначально находился в целостном единстве. Количество ролей, исполняемых человеком на этапе родоплеменного развития общества,

было невелико, и стремление к осознанию своего места в мире недостаточно оформилось. Поэтому тесная взаимосвязь внешнего и внутреннего направлений феномена маски подкреплялась постепенным осознанием символизма внешней и внутренней действительности.

В 7–6 тыс. до нашей эры появился обычай надевать маску в моменты охоты [2]. Маска была призвана помочь охотнику в его задаче "перевоплощения" в хищника, благодаря маске устрашающего хищника охотник должен был выйти победителем в схватке со зверем, при этом, не разгневав духов природы. Танцы с участием масок, которые изображали тотемных животных, сопровождали тогдашние сельскохозяйственные праздники: посев, сбор урожая.

Так, палеолитический этап культур-истории стал тем этапом, на котором «внешняя маска» стала пониматься как изменение внешнего облика человека – при помощи красок, личин и т.п. Зримая сторона маски, направленная на других, подчеркивающая лучшие или скрывающая худшие качества, стала первоопределяющей. Первобытная действительность потребовала от человека больших способностей в адаптации к окружающему миру и сообществу, а внешняя маска стала тем способом, с помощью которого эта адаптация совершалась.

Маска на палеолитическом отрезке человеческой истории, участвуя в процессе познания окружающего мира, приобрела свои основные функции: знаково-коммуникативную (маска аккумулирует символику и знаки окружающего мира, участвуя в процессе анализа и передачи информации); защитно-оборонительную (маска как инструмент защиты от враждебной среды или сообщества), адаптивную (маска как атрибут обрядов инициации, осмысления связи с сообществом и атрибут индивидуализации); и главную – функцию сокрытия. Кроме них к функциям феномена маски можно отнести и функции индивидуализации, типизации, а также креативную, познавательную, коммуникативную и социальную. Все они, несомненно, являются составляющими трех основных функций феномена маски (познавательная, коммуникативная и функция типизации входят в знаково-коммуникативную, социальная – в адаптивную, креативная – в функцию сокрытия и т. п.). К тому же на каждом этапе исторического развития одна из основных функций феномена маски имела приоритет. Это связано с тем, что от эпохи к эпохе менялось отношение человека к самому себе и другим.

Отношения феномена со смертью не менее интересна, чем с жизнью. Маски использовались человеком с самого начала истории культуры в ходе погребальных ритуалов.

Так, особо значимым для человека культом, в котором прослеживается одно из первых проявлений феномена маски, стал культ мертвых. В разнообразных погребальных культурах, культурах смерти, культурах мертвых первобытной эпохи, а также последующих эпох

(древних цивилизаций, античности, ср. веков и др., вплоть до Новейшего времени [1, 2, 3, 4, 5]) появляются две основных «смертельных» формы феномена: посмертная и погребальная.

Разница между ними состоит в следующем: посмертная маска делалась с лица умершего, отчасти отражала его внешность; погребальная маска создавалась вне зависимости от портретного сходства и оставалась вместе с умершим при погребении. Т.е. посмертная маска оставалась для «новой» жизни человека, вера в которую делала смерть менее страшной. Примеры существования погребальных масок находятся в египетской культуре (маска Тутанхамона, маска царя Пепи из «картона», примерно 2 тысячелетие до н.э.), ямной культуре (3 тысячелетие до н.э. [2]), крито-микенской культуре (например, «Агамемнон», золотые пластины на лицах, примерно 2 тысячелетие до н.э. [3]), культуре ацтеков (нефритовые маски, 1 тысячелетие н.э.) и др.

Погребальная маска, как считалось, охраняла покойника от злых чар, духов, колдовства и пр. «вредных» сил. Кроме того, погребальная маска выполняла эстетическую функцию – сохранение тканей лица мумификаторам удавалось крайне редко, потому приходилось делать мертвое привлекательным внешне: маски раскрашивали, расписывали эмалью, украшали золотом, драгоценными камнями и пр. Посредством маски происходила эстетизация смерти; посредством идеи иллюзии лица (маски) мертвое «делалось» живым. Так, идея маски оказалась слитой с идеей посмертия. Также приукрашенное посмертие могло быть связано не только с придачей внешней привлекательности лицу умершего, но и с идеей внутренней привлекательности, иногда даже величия. Так, например, в Древнем Египте, состоятельная знать старалась заполучить погребальную маску (для своего ритуала погребения), обладающую чертами фараона. Власть (и ее олицетворение – фараон) была сакрализованной и тесно связанной с заупокойным культом – основным религиозным представлением египтян. Фараон был защитником живых и защитником своего народа в царстве мертвых, поэтому часть охранительных функций переносилась в погребальную маску как самого фараона, так и его окружения.

Позднее египтяне стали делать погребальные маски «эконом-класса» – с обобщенными чертами лица, на гипсе, с минимумом украшений. Маска стала просто частью культа, утерев налет психологизма и связь с обожествляемой властью. Интересный факт – маски стали делаться и для погребаемых животных (кошек, птиц, лошадей, собак, обезьян). Египтяне считали, что умершая душа, возвращаясь, легче найдет свое тело, если узнает примерные черты лица.

Параллели с ранним бытием в египетской культуре погребальной маски мы можем увидеть и в культуре ацтеков: потрясающие по своей палитре, созданные из полудрагоценного нефрита маски правителей. Согласно обычаям ацтеков и их религиозным

представлениям, правитель защищает свой народ от злых чар, духов и прочих напастей (очень похоже на функции египетского фараона). Но, в отличие от древнеегипетской культуры, маска не уходила вместе с погребенным, а оставалась с живыми: в определенные дни (в период бедствий или памятных дат) мумии царей носили по столице. Считалось, что присутствие тела охраняет народ от зла, бед и темных сил. Нефритовая маска правителя (например, из Теночтитлана) делала значительным и прекрасным лицо, тронутое тлением; заставляла зрителей поклоняться эстетике смерти.

Развитие культуры (общества, государства, личности) привело к изменению формы маски «в смерти» – маска, сделанная с лица покойного, стала использоваться в мире живых. Здесь уже прослеживается своеобразный психологизм маски – из внешнего отражения она постепенно начинает уходить вглубь Я [7]. Можно сказать, что с появлением посмертной маски появились первые психологические тренинги, на которых люди стали учиться менять себя. Дело в том, что древние греки и римляне (именно в античности погребальная маска сменилась посмертной) начали вкладывать в кусок гипса (воска, золота и т.п.) на лице покойника его личностные качества. Т.е., маска стала «одушевленной», психологизированной. Произошел вторичный возврат к жизни – от жизни к смерти и обратно.

Римляне полагали, что ношение посмертной маски живым человеком позволит приобрести некие качества характера, личности, которыми обладал умерший [3]. То есть тут и появился тренд психотренинга. Антропоморфного психотренинга. В более древних ритуалах маски (не связанные со смертью, иные) также носили для приобретения неких качеств, но это были маски животных, птиц и пр. То в античности появляется именно маска антропоморфная – и «живая» и «мертвая» – маски разнообразного культового назначения. Почему маски антропоморфизируются? Ответ очевиден. Потому что античное язычество человекоподобно. Греки и римляне настолько отделили себя от мира, что зооморфное посредничество оказалось за бортом.

Последующие эпохи (средневековье, Возрождение, Новое время [1, 4, 6] и Новейшее) продолжили эстетизацию смерти посредством феномена маски. Однако эстетизация смерти стала проявлять себя более в идее, которую нес в своей личности умерший человек: маски стали снимать не только с правителей, но и с выдающихся граждан, поэтов, писателей, философов, ученых (Генрих VIII, Брунлески, Сфорца, Данте, Шекспир, Свифт, Паскаль, Ньютон, Кант, Гегель, Ницше, Гете и др.).

Даже XX век оказался охвачен модой на создание посмертных портретов. В этой моде прослеживается та же тенденция – сохранить в материальной форме ту идею, которую

олицетворял собой человек, ушедший из жизни: «Умирает плоть, а дела человеческие остаются в истории, завещаются потомкам» (Меркуров С. Д.).

Фашистская Германия увековечивала своих «героев», равно как и СССР – Гинденбург, Роммель, Гейдрих; Сталин, Киров. Известнейшим посмертным скульптором России и СССР становится Меркуров, который разрабатывает методику и технику создания посмертных масок. После него с масками работали Манизер, Рукавишников. Скульпторы выполняли государственный заказ, снимая маски, в основном, с политических лидеров Советского Союза (Брежнев, Суслов и пр.), а также с деятелей науки и искусства (Есенин, Ахматова, Блок, Павлов, Мичурин и др.).

В начале XXI века посмертная маска продолжает пользоваться спросом на рынке ритуальных услуг. Это говорит о том, что такая форма по-прежнему является интересной для идеи личности в современной культуре. Кроме того, намечается интересная тенденция – живые люди заказывают гипсовые, восковые слепки со своего лица. Объяснить подобное желание можно только попыткой сохранить себя для себя – создать своеобразную личину в пластике, которая будет хранить в себе идею собственной личности определенного периода в определенных жизненных обстоятельствах. А также отсутствием стабильности восприятия себя – маска является своеобразным моментом фиксации личности здесь и сейчас [7].

Так, за всю историю своего сосуществования со смертью маска стала одним из инструментов перехода в сверхъестественный мир, атрибутом трансформы Я, олицетворением идеи конкретной личности, ее ухода из жизни, идеей преемственности качеств и характеристик для живых людей и культуры в целом. Идея маски проявила себя как культурная доминанта, оказавшаяся способной объединить философскую, психологическую, филологическую проблематику. Гуманитарной культуре, любой ее сфере оказался равно свойственен поиск ответов на вопросы о сущности человека, свойствах Я, личностном единстве, а также присущи попытки построения проективных реальностей и миров как внешних, так и внутренних.

Список литературы

1. Даркевич В. Народная культура средневековья. – М., 1992. – С. 45 – 77.
2. Елинек Я. Большой иллюстрированный атлас первобытного человека. – Артия Прага, 1983. – С. 24-56.
3. Коптев А. В. Античная цивилизация. – М., 1994. – С. 71-89.
4. Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. – М., 1998. – 99-142.

5. Расков В. П., Фебина Е. Н., Новикова Г. А. Человек в современном технизированном обществе. – М., 1995. – С. 37-80.
6. Самосознание европейской культуры XX в. – М., 1991. – С. 83-131.
7. Тихомирова Е. Г. Идея маски в гуманитарной культуре Новейшего времени (Монография).– Ростов-на-Дону: Изд-во РГСУ, 2012. – 116 с.

Рецензенты:

Герасимов Г. И., доктор философских наук, профессор, кафедра социологии, политологии и права ИППК Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону.

Шичанина Ю. В., доктор философских наук, профессор, кафедра философии Южно-Российского института РАНХ и ГС при президенте РФ, г. Ростов-на-Дону.